

заведующему мастерской Дремову, закройщику Филиппенко и производственной комиссии. В то же время, рабочим разрешалось переделывать отдельные работы, но только в нерабочее время, дабы «не получалось срыва производственной программы»⁸³⁶.

В зависимости от формы заказа (массовая работа или индивидуальный пошив) вопросы испорченных мастером вещей решались по-разному. Если было испорчено изделие индивидуального пошива, то вопрос решался на производственном совещании цеха. Например, в 1934 г. в портновском цеху мастером Филиппенко были испорчены три вещи индивидуального пошива: пиджак, дамское пальто и дамский жакет. Вопрос о браке был поднят на совещании портновского цеха в присутствии 12 чел. По каждому изделию решение принималось отдельно. Пиджак и пальто, которые можно было исправить, было решено отдать Филиппенко на переделку. При этом из зарплаты мастера вычиталась их стоимость в тройном размере. Испорченный дамский жакет Филиппенко обязывался компенсировать за собственный счет предоставлением «нового жакета или материала, из которого можно сделать заказчику» новое изделие. Решение совещания и согласие мастера подкреплялись распиской последнего с обязательствами выполнения задания»⁸³⁷.

Итак, в годы первых пятилеток в Магнитогорске основная задача по обеспечению населения товарами народного потребления легла на промысловые артели, в том числе на «Уралпшвей». Комплектация трудовых ресурсов в легкую промышленность проводилась по остаточному принципу. В качестве основных работников привлекались необразованные бедные крестьяне и батраки, реже середняки и лица, имеющие профессиональное образование. Подобное распределение трудовых ресурсов было связано с нестабильным графиком работы, тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой артельщиков. Удерживало рабочих в артели трудовое законодательство, запрещавшее увольнение трудящихся по собственному желанию, и система внутренних паспортов. Отсутствие экономических стимулов приводило к снижению трудовой дисциплины и качества продукции. Однако, производственные нарушения не влекли за собой серьезных последствий. Большая часть санкций сводилась к обсуждению провинившегося на собрании артельщиков и строгим выговорам.

Г.Н. Шапошников
Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИЙ В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В ходе гражданской войны коммуникации России понесли значительные разрушения. Их восстановление и дальнейшее развитие являлось одной из насущных задач советской власти. Несмотря на все противоречия и непоследовательность, НЭП создал условия для восстановления отрасли связи.

Разрушения коммуникаций можно условно разделить на два вида: прямые и косвенные. К первым мы относим прямой ущерб, который понесли сети, учреждения связи и их кадры в ходе военных действий. По подсчетам специалистов Наркомата почт и телеграфов СССР, в 1918 – 1921 гг. было разрушено 69% всех проводов и 35% телеграфных станций, которые действовали в 1914 гг. При этом надо учесть, что многие линии в ходе военных действий разрушались и восстанавливались по 3 – 5 раз. Наибольший урон понесла телефония. В 1921 г. в стране действовало только 38% абонентов от уровня 1917 г.⁸³⁸ К косвенным потерям мы относим полное прекращение ремонтов и нового строительства в период двух войн и революции.

⁸³⁶ Там же. Л. 19.

⁸³⁷ Там же. Л. 1.

⁸³⁸ Статистический справочник по хозяйству связи. М., 1934.с.141; Кожухов Г. Как советская власть строила телеграфную связь. // Жизнь и техника связи.- 1927.- № 11- с.30.

В результате, на протяжении 7 лет на действующих линиях копился моральный и технический износ оборудования. В результате действующие линии работали в состоянии перманентной аварийности, дальние телеграфные связи постоянно выходили из строя, а действующие обладали низкой пропускной способностью. На некоторых проводах, из-за ветхости и некачественных ремонтов, сопротивление при передаче электрических сигналов превышало более половины технологических норм 1913 г. Наблюдались случаи обрывов многих километров проводов из-за падения ветхих столбов. Аварийность на телеграфах, телефонах и радиостанциях в 1921 – 1922 гг. нарастала лавинообразно. Станции горят, - констатируют аварийную ситуацию члены коммунистической фракции ЦК профсоюзов народной связи в начале 1922 г.⁸³⁹ Даже в 1923/24 г. нарком связи И.Н. Смирнов говорил о том, что многие задачи мирной жизни связь не выполняет, т.к. ее хозяйство остается в тяжелом положении.⁸⁴⁰

В этих условиях единственным способом развития средств передачи данных оставалась государственная монополия и нерыночный путь. С момента национализации в 1917 г., отечественные коммуникации развивались на основе жесткого государственного контроля, полувойска дисциплины и командно-административных методов управления. Рыночные принципы НЭПа практически не получили развития в этом секторе инфраструктуры. Сюда не были допущены ни предпринимательские круги, ни иностранный капитал. В телеграфии, почтовых сообщениях не допускалась организация каких-либо акционерных обществ. Государство выступило как главный субъект хозяйствования в отрасли связи, взяло на себя все вопросы финансирования, строительства и эксплуатации, подготовки кадров для сетей общего пользования и специального назначения.

Отметим, что командно – административные методы управления и нерыночный путь развития позволили решить многие вопросы. Прежде всего, на протяжении всех 1920-х гг. на устройство информационных трансляций отпускались известные средства. В 1923 – 1930 гг. на развитие телефонно-телеграфных, радио и почтовых сообщений было израсходовано 1082,4 млн. руб. Расходы на связь составляли в среднем до 2,9% ежегодных расходов бюджета страны. Около половины этой суммы пошло на новое строительство и реконструкцию хозяйства связи.⁸⁴¹

Значительные бюджетное финансирование, восстановление слаботорной промышленности, как материально-технической базы отрасли связи, подготовка кадров, создание лабораторно-опытной базы и организация первых исследовательских работ в этой области, а так же многие другие проблемы, которые решало в это время государство – позволило отрасли избежать разрушительных последствий нестабильности переходного периода от войны к миру и наращивать темпы информационного обмена, несмотря на экономические кризисы первой половины 1920-х гг.

Историк Н.С.Симонов подробно проанализировал процессы восстановления военно-оборонного комплекса СССР в 20-е гг. и сделал вывод, что в течение 1921-1923 гг., оборонные предприятия пережили все виды кризисов, какие только были возможны. Топливный, продовольственный, финансовый и др. кризисы, сокращение военных заказов, и материально-технического снабжения вынуждало дирекцию заводов срочно налаживать производство ширпотреба и распродавать часть оборудования.⁸⁴²

Аналогичные явления мы наблюдаем в производственно-материальной базе коммуникаций – электротехнической промышленности. В начале 1920 г. радиотехника и промышленность слабых токов СССР заметно снизили масштабы производства и теряли кадры. Выпуск проволоки и кабелей, телефонно-телеграфной и радиоаппаратуры,

⁸³⁹ РГАСПИ, ф.97, оп.1, д.93, л.56.

⁸⁴⁰ ЦДОССО, ф.4, оп.2, д.27, л.90;

⁸⁴¹ рассчитано по мат.: Социалистическое строительство в СССР. Стат. сб. М., 1934, с. 300, 442, 444.

⁸⁴² Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 20-50-е гг. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996 с.54-55.

элементов электропитания и др. комплектующих для учреждений связи государство смогло наладить только с 1923 г. Государственная поддержка позволила отрасли связи выйти из кризисов 1923 г. и 1925/26 гг. с минимальными потерями. При всех противоречиях государственной политики, некомпетентность советских управленцев и экономических трудностях тех лет, государственные структуры оставались единственной силой, способной организовать восстановление коммуникаций и быть гарантом их последующего расширения.

При этом мы несколько не идеализируем роль государства по развитию средств передачи данных. В государственной политике присутствовали многие тактические и серьезные стратегические просчеты, которые отрицательным образом сказались на развитии коммуникаций. Тактические просчеты были допущены уже в начале двадцатых годов, когда осуществлялись первые опыты по расчетам тарифов на услуги связи. В 1921 г. была введена плата за пользование телеграфом, телефоном, почтовыми сообщениями. При этом государство не ставило еще перед отраслью задач пополнения бюджета, но стремилось, чтобы почта и телеграф хотя бы частично окупали свои затраты. Для этого и были установлены первые таксы: 0,84 коп. за отправку простого письма, 0,87 коп. за слово в телеграмме, 0,94 коп. за килограмм веса посылки (тарифы исходили из полновесных рублей 1913 г.). Государство сделало тарифы минимальными, т.к. население просто не могло платить больше, а основной клиент телеграфа той поры – госпредприятия, получили минимум средств для оплаты почтово-телеграфных и телефонных услуг.⁸⁴³

При этом, государство отказало связистам в государственных дотациях. Специалисты наркомата финансов и СНК РСФСР, считали, что отрасль самостоятельно получит достаточно доходов. Так, в ориентировочной смете наркомфина на 1922/23 г. минимальные потребности связистов были определены в 42,5 млн. р. (в сов. дензнаках), причем из госбюджета наркомат почт и телеграфов получил только 3,5 млн. р. (т.е. 7,1% от потребной суммы). Остальное почтово-телеграфные работники должны были заработать сами.⁸⁴⁴

Таких напряженных заданий по аккумуляции средств работники почт, телеграфов, телефонных станций выполнить не могли. В результате отрасль связь в 1922 – 1924 гг. работала в условиях нарастающего дефицита финансовых и материальных ресурсов. В 1924/25 г. отрасль получила из бюджета 46,3 млн. р., а истратила на свои самые необходимые потребности – 92,8 млн. р.⁸⁴⁵ Таких расходов никто в наркомате финансов предвидеть не мог. Поскольку острый дефицит финансов грозил оставить все реконструктивные работы на существующих сетях, то СНК СССР вынужден был отпускать средства в чрезвычайном режиме, изыскивая их, где только можно. Иными словами, с 1922 – 1923 г. отрасль существовала только за счет государственных дотаций, что и требовало значительных бюджетных расходов.

Несмотря на эти трудности, связисты прилагали усилия для восстановления существующих и строительства новых сетей. Как вспоминал зам. наркома связи Л.М.Любович, двадцатые годы были временем кропотливой будничной работы, постепенного собирания хозяйства связи. Особенностью тех лет являла упорная, повседневная работа на хозяйственном фронте связи, упорядочение и увеличение четкости всей сети.⁸⁴⁶ В 1921 – 1926 гг. было отремонтировано 667,5 тыс. км. телефонных линий, установлено свыше 1,4 млн. столбов, подвешено 24,3 тыс. км. новых проводов (удельный вес новых проводов к 1926 г. увеличился до 4% всех действующих проводов СССР).⁸⁴⁷

⁸⁴³ Любович А. Состояние и работа связи. // Народное хозяйство России за 1921/22 г. Стат. эконом. ежегодник. М., 1923. с.175.

⁸⁴⁴ НКПиТ СССР. Отчет о работе народной связи за 1923/24 г. М., 1925. с.11.

⁸⁴⁵ Социалистическое строительство СССР. Стат. сб. М., 1934. с. 441- 442.

⁸⁴⁶ Любович А. Как советская власть строила народную связь. // Жизнь и техника связи. - 1927- № 11- с.7.

⁸⁴⁷ НКПиТ СССР. Годовой отчет народной связи за 1924/25 г. М., 1926. с.11.

Для того, чтобы увеличить парк телеграфных и телефонных аппаратов, наркомат развернул широкую сеть мастерских. Каждый округ связи имел свои мастерские. Как правило, окружная мастерская по ремонту аппаратуры не уступала по техническим мощностям средним заводам-изготовителям новой аппаратуры. О масштабах ремонтных работ говорит только один факт: в 1927 г. весь телеграфный парк СССР насчитывал 16,0 тыс. аппаратов различных систем. Более половины из них были восстановлены в мастерских.⁸⁴⁸

Первые успехи восстановления проявились к 1924 г. К этому времени окончательно завершились процессы реконверсии и перевода отрасли связи с военного на мирный режим работы. Все тарифы на услуги связи были переведены на червонное исчисление. Был завершен переход на новую - окружную систему управления. Это положительно сказалось на количественных приростах информационного обмена. В 1922 - 1929 гг. в строй было введено 50 новых линий междугородней телефонной связи, монтировочная емкость телефонных сетей СССР увеличилась в 4,1 раза, а количество абонентов на них - в 3,3 раза (с 89 тыс. до 296 тыс.). Информационный обмен радиосвязи вырос в 4,2 раза, количество общесоюзных радиолиний увеличилось с 10 до 95, а приемников у населения - в 18 раз.⁸⁴⁹

В середине - второй половине двадцатых годов экономическая конъюнктура в СССР постепенно улучшалась, процессы восстановления многих секторов советской экономики вошли в стадию завершения. Это отразилось на доходах учреждений связи. Впервые со времен окончания гражданской войны, поступления от отрасли связь в госбюджет стали стабильными. В этих условиях государство этом заметно увеличило тарифы и расценки на услуги электросвязи. Повышение тарифов в начале 1926 г. и переход к расчетам за услуги связи в червонных рублях, привел к тому, что значительная часть населения и государственных учреждений не смогли пользоваться услугами телеграфов и телефонных станций.

Такую государственную политику следует объяснять не столько стремлением получить, возможно больше доходов в казну, сколько доктринальным фактором - специфическим пониманием роли и общественных функций связи советской элитой тех лет. Советские руководители рассматривали электросвязь, как метод государственного управления и мобилизационного развертывания, информационные потребности населения им не учитывались. К середине 1920-х гг. электрические средства передачи данных достигли уровня удовлетворения минимальных потребностей в управлении страной. Положительно оценив первые успехи в восстановлении коммуникаций, руководство страны сделало вывод, что главная задача коммуникаций, - как системы управления, - уже выполнена. Это позволило поднять тарифы на услуги связи, и более того, отрицательно сказалось на масштабах инвестиций и материального снабжения отрасли. Если в середине 1920-х гг. отчисления на развитие коммуникаций составляли 3,2 - 3,4% бюджета, то в конце десятилетия они уменьшились до 2,3%.⁸⁵⁰

Это, на наш взгляд, явилось серьезным стратегическим просчетом. Еще в начале XX в. сотрудник Главного управления почт и телеграфов, профессор П.С. Осадчий рассчитал, что для нормального развития информационных коммуникаций в российских условиях требуются средства не менее 5% от всех расходов государственного бюджета ежегодно.⁸⁵¹ В противном случае быстро формируется остаточный принцип распределения средств в коммуникации, и они не могут полноценно выполнять свои общественные функции. Это и произошло в начале 1920-х гг. Утверждение остаточного принципа распределения

⁸⁴⁸ Кожухов Г. Как советская власть строила телеграфную связь. с.38.

⁸⁴⁹ Отчет народного комиссариата связи СССР за 1933 г. М., 1934. с.2-3; Связь СССР за 50 лет. Стат. сб. М., 1968. с. 14,31, 34, 37.

⁸⁵⁰ Социалистическое строительство СССР с. 444.

⁸⁵¹ Осадчий П. Почтовые, телеграфные и телефонные сообщения, как элемент государственного хозяйства в Европе. Опыт сравнительного статистического и экономического исследования. Вып. 1. СПб., 1908. с.16, 49.

финансов и материального снабжения в отрасль связь, мы расцениваем, как серьезный стратегический просчет советской экономической политики на весь период индустриальной модернизации. В 1920-е гг. это стало причиной медленного восстановления всех видов связи, способствовало нарастанию диспропорций в народном хозяйстве.

Советская историография традиционно высоко оценивала достижения советской связи в двадцатые годы. Сегодня такую же высокую оценку дают многие историки. Так, авторы первого обобщающего труда об истории правительственной связи России особо подчеркивают, что электросвязь обеспечила повышение оперативности решения вопросов государственного руководства на этапе восстановления страны после разрушительной войны.⁸⁵²

На наш взгляд, такая оценка является несколько завышенной. Мы несколько не принимаем усилий советского государства и связистов по восстановлению коммуникаций в первое мирное десятилетие советской власти. При этом мы отмечаем, что развитие всех видов информационных трансляций СССР проходило нестабильно, а их восстановление затянулось на долгие годы и осуществлялось весьма медленно.

Когда же было завершено восстановление отрасли связь до уровня 1913 г.? По мнению работников наркомата почт и телеграфов это произошло в 1924/25 г. Именно к 1925 г., - писал зам. наркома связи А.М.Любович, - были созданы новые формы управления. Хозяйство связи было приведено в соответствие с темпами всей жизнью страны. 1924 г. стал переломным, - отмечали и другие специалисты наркомата, - прекратились внутренние скачки, отрасль получила возможность нормального развития.⁸⁵³

Интересный аргумент в пользу завершения процессов восстановления выдвинул и экономист финансового управления НКПиТ А. Мусатов. По его мнению, в 1925 г. отрасль связь впервые дала ощутимую прибыль в госбюджет. Твердая финансовая основа – признак завершения восстановления.⁸⁵⁴ Тезис о полном завершении восстановления средств передачи данных к середине двадцатых годов воспроизвел в научной литературе экономист С.Л. Крапивнер. Взяв за основу расчетов количественные показатели роста информационного обмена (особенно почтового, телефонного и радио), он доказал, что советские коммуникации перекрыли дореволюционные достижения уже к 1926 г.⁸⁵⁵ Определенную трудность у С.Л. Крапивнера вызвало обоснование быстрого восстановления телеграфного обмена. В 1920-х гг. телеграфия оставалась главным видом электросвязи. Исходящий телеграфный обмен 1913 г. составил 363,2 млн. депеш. В 1929 г. в СССР – 349,9 млн., а в 1930 г. – 557,3 млн. депеш.⁸⁵⁶

Получается, что телеграфный обмен СССР достиг довоенных параметров только в 1930 г. С.Л. Крапивнер отметил, что в советское время длина средней телеграммы заметно выросла в сравнении с 1913 г. По его расчетам, словесный обмен на телеграфных связях СССР превысил аналогичный показатель 1913 г. уже в середине 20-х гг. Главный вывод этого заключался в том, как считает экономист, что в 1926 г. советская связь не только закончила восстановление, но, по ряду моментов, превзошла все показатели 1913 г.⁸⁵⁷ Идея С.Л. Крапивнера стали хрестоматийными, вошли во многие издания по истории

⁸⁵² Правительственная связь в истории России. Ч.1. 1917-1945 гг. М., 2001. с.68-69.

⁸⁵³ Любович А. Основные моменты строительства народной связи.1917-1927 гг.// Жизнь и техника связи.- 1927- № 1- с.7.

⁸⁵⁴ Мусатов А. Финансы наркомпочтеля за десять лет. // Жизнь и техника связи.- 1927- № 12 - с.93.

⁸⁵⁵ Крапивнер С.Л. Экономика связи. М., 1940. с.68-69, 72.

⁸⁵⁶ Статистический справочник по хозяйству связи. с. 6.

⁸⁵⁷ Крапивнер С.Л. Экономика связи. с.45, 69.

связи.⁸⁵⁸ Они использовались для доказательств преимущества советского строя. Эти выводы повторяют многие краеведческие и популярные книги по нашей теме и сегодня.⁸⁵⁹

Анализ количественных показателей развития советских коммуникаций в 1921 – 1930 гг. показывает, что процессы восстановления в отрасли связи были завершены в основном на рубеже 20 – 30-х гг. Прежде всего, отметим низкие темпы приростов производительности труда в учреждениях связи. Наличие огромного штата связистов (рост к 1930 г. в два раза по сравнению с 1913 г.) при тех же объемах исходящего телеграфного обмена, говорит о том, что работу, которую выполнял о революции один телеграфист, в начале 30-х гг. делали двое или более работников. Интересно сопоставление и динамики сети связи по разрядам учреждений. Почтово-телеграфных контор (т.е. тех учреждений, которые могли выполнять все почтово-телеграфные операции и наиболее полно соответствовали потребностям населения) в СССР в конце 30-х гг. оставалось меньше, чем их было в 1913 г. Количество отделений, агентств и иных вспомогательных пунктов связи – заметно больше. Отделения, агентства и вспомогательные учреждения выполняли ограниченные функции по доставке простой почтовой корреспонденции. Иными словами, бурный рост сети учреждений советской связи отражал закрепление архаики информационного обмена. Неблагоприятные тенденции наблюдались в динамике телефонных сетей: бросается в глаза тенденция снижения коэффициента использования монтированных номерных емкостей (т.е. несоответствие между наличием свободных и задействованных телефонных номеров). Если в 1923 г. коэффициент использования номерной емкости был высоким – 98% от количества абонентов, то уже в 1925 гг. он начинает снижаться до 82%, а на рубеже 30-х гг. – падает до самой низкой отметки за все 20 – 30-е гг. – 68%.⁸⁶⁰

Иными словами, в 1930 г. в СССР использовалось лишь две трети имеющихся мощностей телефонных станций. Причина этого явления – в слабом развитии линейных сооружений. В 20-е гг. в строй вводились новые станции, а линейное хозяйство – почти не развивалось. В силу этого и сформировался значительный разрыв между монтированной и реально задействованной мощностями телефонных сетей. Это являлось показателем низкого качества работы телефонии. Отметим, что до революции такой проблемы вообще не существовало.

Еще более наглядно медленное восстановление связи показывают подушевые коэффициенты ее услуг, т.е. использование средств связи в расчете на одного проживающего в Российской империи и СССР. В конце двадцатых годов только почта смогла восстановить эти показатели до уровня 1913 г. По количеству доставленных писем, ценных почтовых отправок и посылок советская почта в 1929 г. подошла вплотную к показателям 1913 г., а в конце первой пятилетки (1932 г.) – вдвое превысила их. Это, на наш взгляд, и явилось реальным завершением процессов восстановления отрасли. С услугами электросвязи ситуация оказалась сложнее. По уровню телефонизации СССР достиг показателей 1913 г. только в 1931 г. В 1913 г. на одного проживающего в Российской империи приходилось 0,22 телефона. В 1928 г. этот показатель в СССР составлял всего 0,15. На 01.01.1932 г. коэффициент телефонизации составил 0,30.⁸⁶¹ По количеству исходящих телеграмм на одного человека уровень 1913 г. был достигнут только в 1932 – 1933 гг. В целом, процессы восстановления связи завершились только в конце первой пятилетки, и проходили медленнее, чем в промышленности, и на транспорте.

⁸⁵⁸ См.: Резников М.Р. 50 лет советской связи. М., 1967. с.15; Развитие связи в СССР. 1917-1967 г. М., 1967. с.94, и др.

⁸⁵⁹ Объединяя мир людей. Пермская связь 60 лет. Пермь, 1998. с.46-47; Аюпов Р., Гайсин С. Электросвязь в Башкортостане: от телеграфа до Интернета. Уфа, 2001. с.36-37; Колодин Н.Е. Покоренное пространство. Т.2, Самара, 1997. с.37, и др.

⁸⁶⁰ Расчет по мат.: Социалистическое строительство СССР. с.292-293; РГАЭ. ф. 1562, оп.11, д. 809, л. 96.

⁸⁶¹ Расчет по мат.: Россия. 1913 г. Стат.- док. справочник. СПб., 1995. с.22, 146-147; Статистический справочник по хозяйству связи. с.6, 136, 139; Социалистическое строительство СССР. с.292-293, 353;

Расчеты по услугам связи на одного проживающего интересны и тем, что являются обобщающим показателем процессов модернизации. В начале 30-х гг. коэффициент телефонизации больших советских городов составлял от 3,2 в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове до 2 – 1,5 в Тбилиси, Минске, Казани, Самаре. Это считалось высоким уровнем насыщенности телефонными услугами. Из уральских городов в эту группу попал только г. Свердловск, где в 1932 г. на 100 горожан приходилось 1,5 телефона. Остальные города СССР (в т.ч. Пермь, Челябинск, Тагил, Уфа, Оренбург, Вятка, Тюмень и др.) имели всего 0,1 – 0,6 телефона на 100 жителей.⁸⁶² Такая малая телефонная плотность определила и его основных пользователей – республиканский и областной управленческий аппарат. Даже среднее звено партийно-советской номенклатуры в конце 20-х гг. не мог пользоваться услугами ГТС. Низкий уровень телефонизации советских городов на рубеже 20 – 30-х гг. дает нам основание сделать еще одно обобщение. По мнению историка А.С.Сенявского, с конца 20-х гг. в ходе форсированной индустриализации, сутью «городской» политики советской власти стала минимизация расходов на человека (прежде всего, жилищно-бытовых, культурных и др.), а сами города, особенно небольшие, стали трансформироваться в инструмент обслуживания производства. По сути, советские города на рубеже 20 – 30-х гг. стали превращаться в «поселения при предприятиях». В основе городской жизни СССР лежала принудительная организация деятельности.⁸⁶³ Низкий уровень телефонизации отражал развитие именно такой модели урбанизации.

Незавершенность процессов восстановления электросвязи способствовали тому, что в конце 20-х гг. коммуникации не могли полноценно выполнять даже управленческую функцию. Прежде всего, это касалось сельской местности. Достаточно отметить, что услугами электросвязи в 1929 г. пользовались только 23% сельсоветов и 2% сельских населенных пунктов.⁸⁶⁴ Наладить нормальное управление с такой системой сетей общего пользования было невозможно. На отставание связи, которое превратилось в тормоз развития, обратили внимание и современники тех событий. Один из авторитетных экономистов наркомата почт и телеграфов, Н.П.Овчинников писал в 1929 г., что хозяйство связи является одним из слабых наших участков. Для него характерно резкое ухудшение всех качественных показателей, угрожающий разрыв планов капитального строительства и их реализации, недостаточное развитие низовой сети, особенно в районах новостроек (Магнитка).⁸⁶⁵

Ему вторил инженер, работник планового управления наркомата, П.В.Кузнецов. Связь не справляется со своими задачами, – писал он в этом же году, – она не удовлетворяет потребностей народного хозяйства.⁸⁶⁶ Еще более уничижительную оценку работе связистов дала «Правда». Наши задачи, – писали члены редколлегии в одной из передовиц летом 1930 г., требуют настоящей революции связи, но до сих пор почта, телеграф, телефон, радио не поставлены на действительную службу социалистического строительства.⁸⁶⁷ Такая характеристика отражала неблагоприятную тенденцию: на рубеже 20 – 30-гг. прошлого века коммуникации превратились в «узкое место» народного хозяйства.

В развитии НЭП и советских коммуникаций прослеживается диалектическое единство. Динамика развития информационных трансляций определяла спады и приливы экономической конъюнктуры. Превращение коммуникаций в «узкое место» советской экономики в конце 20-х гг., сыграло косвенную роль в сломе всей НЭП и свертывании рыночных отношений. Отставание коммуникаций от потребностей общества и советского государства являлось показателем незавершенности процессов раннеиндустриальной

⁸⁶² Статистический справочник по хозяйству связи. с.136, 141

⁸⁶³ Опыт российских модернизаций ХУШ-XX вв. М., 2000. с.84, 86.

⁸⁶⁴ Конъюнктура хозяйства связи в 1928/29 г. М., 1930. с.6

⁸⁶⁵ Овчинников Н.П. Конъюнктура хозяйства связи за 1930 г.// Экономика связи. - 1930- № 3- с.120.

⁸⁶⁶ Кузнецов П.В. Пятилетний план хозяйства связи СССР. М., 1931. с.4.

⁸⁶⁷ «Правда», 1930, 24 июля.

модернизации. Общее состояние экономики СССР в конце 20-х гг. и ее составной части – отрасли связи, наглядно говорили, что начинать форсированное индустриальное преобразование общества надо было с транспортно-информационной инфраструктуры, а только затем переходить к решению проблем тяжелой промышленности. Руководство страны пошло другим путем.

С.А. Шевырин
Пермь

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СМСТЕМЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (на материалах Пермского края)

Начатое в мае 1929 г. «ударное» строительство Березниковского химкомбината застопорилось из-за недостатка рабочей силы; вольнонаемные рабочие не хотели ехать в Березники, где был «жилищный кризис и недостатки снабжения»⁸⁶⁸. Газеты 1929 г. пестрели заметками о неудовлетворительном ходе строительства Березниковского химкомбината. Например, «Торгово-промышленная газета» писала: «Строительство химкомбината в Березниках испытывает острый недостаток в рабочей силе. Не хватает около 1000 плотников, 500 – 600 чел. чернорабочих, 250 коновозчиков»⁸⁶⁹.

Чернорабочие, завербованные в Тверской губернии, даже написали письмо Сталину, где жаловались на несоответствие зарплат и уровня цен в Березниках: «...Химстрой предоставляет расценки рабочим 1,2 руб. в день, в то время как дороговизна продуктов заставляет проживать не менее 1,5 руб.»⁸⁷⁰.

В акте «Проверки подготовленности Березниковского химкомбината к выполнению производственной программы на 1929 – 1930 годы» жилье рабочих, вероятно, правдиво названо «конурками», в которых проживает по 2 – 3 семьи вместе. При средней зарплате в 65 руб. на среднюю семью в 5 – 6 человек рабочий тратил 33 руб. на питание (из перечисленных продуктов – мука, мясо, сахар, чай, соль, перец, лук), около 20 руб. на одежду, обувь, дрова и керосин (освещение), 8 – 10 руб. на водку и 1 руб. на подписку газет⁸⁷¹. Причем, цены приведены кооперативные, а не рыночные. В магазинах кооперации часто не было товаров. Соотношение рыночных цен и кооперации могло расходиться в десятки раз⁸⁷².

Таким образом, рабочий имел довольно скудное и не разнообразное питание, «конурку» на 2 – 3 семьи и никаких накоплений, при довольно суровом климате и в необжитом краю. В 1933 г. жилищный фонд коммунального хозяйства БХК (Березниковский химический комбинат) имел «вид очень печальный... особенно по баракам. Стекла в некоторых зданиях выбиты на 30%...», «крыши у бараков крыты были только и положительно все худые..., можно с потолка в щели видеть, что внутри барака происходит»⁸⁷³.

Быт пермских строителей также был не устроен: «Совершенно неудовлетворительным является санитарно-бытовое обслуживание рабочих Гознака, Камской нефтебазы, Камхимстроя, Судозавода, Суперзавода и Пермгражданстроя, где, как правило, бараки не утеплены, санитарно-технические установки (бани, прачечные, дезинсекторы) работают с очень большими перебоями из-за недостатка воды, дров». В

⁸⁶⁸ ГОПАПО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.

⁸⁶⁹ Там же. Л. 261.

⁸⁷⁰ ГОПАПО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 215. Л. 77.

⁸⁷¹ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 291. Л. 71-71об.

⁸⁷² Осокина Е. За фасадом «Сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927-1941 годы. М. 1999 г. С. 78.

⁸⁷³ ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 76. Л. 114-114об.